Кейт Рейн

Когда ты захочешь вернуться

Некоторые
уходят,
чтобы потом
увидеть,
как ты сияешь

Кейт Рейн

Когда ты захочешь вернуться

«Автор»
2026

Рейн К.

Когда ты захочешь вернуться / К. Рейн — «Автор», 2026

Толя ушёл от Яны к женщине, которая, по его мнению, лучше подходила к его новой жизни. А напоследок объяснил жене, что она слишком маленькая для его больших планов.Только без него Яна вдруг перестала быть маленькой.Новый заказ, собственный успех, люди, которые видят в ней талант, и Кирилл — мужчина, рядом с которым не нужно доказывать, что она достойна большего.И однажды Толя возвращается.Но есть одна проблема: женщина, которую он оставил, больше его не ждёт.

© Рейн К., 2026
© Автор, 2026

Кейт Рейн
Когда ты захочешь вернуться

— Только не устраивай сцену, ладно?

Яна медленно поставила на стол кружку. Чай в ней был уже холодный, зато фраза Анатолия — удивительно горячая. Она словно прошла через кожу и застряла где-то между рёбрами.

— Какую именно? — спросила она. — С разбитой посудой или с чемоданом из окна?

Толя поморщился. Он стоял посреди кухни в серой рубашке, которую Яна гладила ему утром перед работой. Это почему-то раздражало больше всего. Не рубашка. Сам факт, что утром она ещё выбирала, какой режим поставить на утюге, а вечером муж просил её не устраивать сцену.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Хочу понять масштаб разрешённого поведения.

Он выдохнул и провёл ладонью по затылку. Этот жест Яна знала наизусть: так Толя делал перед неприятными звонками, когда собирался говорить человеку что-то «по делу». За семь лет брака она не раз слышала этот деловой голос из соседней комнаты. Никогда не думала, что однажды он достанется ей.

— Я ухожу.

За окном трамвай с металлическим звоном вошёл в поворот. Дом был старый, окна выходили прямо на линию, и первые месяцы после переезда Яна просыпалась от каждого вагона. Потом привыкла. Ко всему, оказывается, можно привыкнуть.

— Куда? — спросила она.

— Яна.

— Что «Яна»? Ты сказал, что уходишь. Я спрашиваю куда.

Он посмотрел на неё и впервые отвёл глаза.

Этого хватило.

— А, — сказала она.

Толя молчал.

— Давно?

— Не в этом дело.

— Значит, давно.

— Я не хотел, чтобы так получилось.

Яна коротко рассмеялась. Не потому, что было смешно. Просто организм иногда выбирает странные способы не дать человеку развалиться прямо на кухонном полу.

— А как ты хотел? Чтобы я сама догадалась и заранее погладила тебе вещи для переезда?

— Не надо.

— Ты опять про сцену?

— Про это всё. Про сарказм. Давай хоть один раз нормально поговорим.

Вот теперь Яна почувствовала злость. Настоящую, спасительную.

— Один раз? Толь, ты сколько времени спишь с другой женщиной и сегодня решил, что именно я должна наконец научиться нормально разговаривать?

— Я не сказал, что сплю с ней.

— А ты не спишь?

Он промолчал.

— Спасибо. Исчерпывающе.

Яна встала и подошла к раковине. На столешнице сохли две небольшие пиалы, которые она утром вынула из печи. Молочно-белая глазурь легла неидеально: на одной по краю пошла тонкая голубая дорожка, почти случайная. Яне нравилась. Толе — наверняка нет. Он любил

вещи, которые выглядели так, будто их сделали на фабрике люди, не имеющие права ошибаться.

Она взяла пиалу, проверила пальцем край и поставила обратно.

— Кто она?

— Это что-то изменит?

— Нет. Но раз мы решили разговаривать нормально, давай хотя бы познакомимся заочно.

— Лена. Из нашей компании.

Яна кивнула. Лена. Конечно. Наверное, та самая Лена из отдела стратегии, которая на зимнем корпоративе была в белом брючном костюме и умела держать бокал так, будто всю жизнь тренировалась для рекламы шампанского.

— Вы вместе?

— Мы хотим попробовать.

— Какая аккуратная формулировка.

— Яна, я не хочу делать тебе больнее.

Она повернулась к нему.

— Поздно.

Он опустился на стул. На секунду стал просто Толей — человеком, который по воскресеньям жарил яичницу и никогда не мог найти второй носок, даже если тот лежал рядом с первым. У Яны почти дрогнуло лицо. Почти.

— У нас давно всё не так, — сказал он тише. — Ты же сама это понимаешь.

— Нет. Расскажи.

— Мы живём как… я не знаю. Как будто нам по пятьдесят и всё уже решено. Ты со своей мастерской, я на работе. В пятницу доставка, в субботу ты ведёшь свои занятия, вечером сериал. В воскресенье рынок или твои ярмарки. И опять по кругу.

— Ужас. Стабильная жизнь. Как я могла.

— Вот именно это я имею в виду. Ты всё превращаешь в шутку, когда не хочешь слышать.

Яна скрестила руки на груди.

— Хорошо. Я слышу.

Толя помолчал, будто проверял, действительно ли ему дали слово.

— Я хочу другого. Мне тридцать четыре. Я только сейчас начал нормально расти в компании. У нас поездки, проекты, люди, которые что-то делают, куда-то двигаются. А ты…

Он остановился.

Яна почувствовала, как внутри всё становится очень тихо.

— Я что?

— Ты хорошая. Правда. Очень. Но тебе ничего не надо.

Она даже не сразу поняла.

— В смысле?

— Ну вот твоя керамика. Сколько лет ты ей занимаешься?

— Пять.

— И что? Всё те же чашки, тарелки, мастер-классы по выходным. Ты могла открыть нормальное производство, нанять людей, продаваться в сетях. Я тебе сто раз говорил.

— А я сто раз отвечала, что не хочу производство.

— Вот. Ты не хочешь. Ты вообще не хочешь больше. Тебе нормально в твоей маленькой мастерской, нормально продавать двадцать кружек на маркете, нормально носить одну и ту же джинсовку третий год. Тебе уютно. А мне стало тесно.

Последнюю фразу он произнёс почти с облегчением. Наверное, репетировал.

Яна смотрела на него и вдруг очень ясно вспомнила, как два года назад подала заявку на московскую ярмарку предметного дизайна. Её взяли в предварительный список. Нужно было

сделать коллекцию из сорока предметов и оплатить стенд. Толя тогда посчитал расходы в Excel и сказал, что это «дорогая игра в художницу». Яна заявку отозвала.

Потом вспомнила ресторан, который хотел заказать у неё посуду. Тридцать комплектов. Она отказалась, потому что сроки были жёсткие, а Толя как раз собирался в отпуск и сказал: «Мы опять из-за твоих тарелок никуда не поедем?» Они поехали в Грецию. Там он три дня отвечал на рабочие письма с пляжа.

— Лена, значит, хочет больше? — спросила Яна.

— Не делай из этого сравнение.

— Ты уже сделал.

— Я говорю не про неё. Я говорю про нас.

— Нет, Толь. Ты сейчас объясняешь мне, почему выбрал женщину, которая лучше подходит к твоей новой жизни. Это и есть сравнение.

Он снова потёр затылок.

— Может быть.

Вот это «может быть» оказалось больнее измены. Потому что прозвучало честно.

Яна подошла к столу, взяла его чашку — фабричную, белую, с логотипом какой-то конференции — и вылила недопитый кофе в раковину.

— Когда ты съезжаешь?

— Я думал, поживу пока у Лены.

— Тогда сегодня.

— Яна…

— Не устраиваю сцену. Просто освобождаю тебе пространство для роста.

Он резко встал.

— Вот опять.

— А что ты хочешь услышать? Чтобы я попросила тебя остаться? Или чтобы согласилась: да, Толя, ты прав, я маленькая, скучная женщина с кружками, а рядом с тобой должна стоять кто-то в белом костюме и говорить «масштабирование»?

— Я никогда не называл тебя скучной.

— Ты только что потратил десять минут, чтобы назвать именно так, не используя слово.

Толя хотел ответить, но передумал. Вместо этого пошёл в спальню.

Яна осталась на кухне.

Она не плакала, пока слышала, как открываются шкафы. Не плакала, когда за стеной застучали плечики. Не плакала, когда Толя дважды прошёл через коридор с сумками и один раз вернулся за зарядкой.

У двери он остановился.

— Я не хочу, чтобы мы стали врагами.

— А я не хочу сейчас отвечать.

— Хорошо.

Он взялся за ручку, потом посмотрел на неё.

— Ты справишься.

Яна кивнула.

— Конечно. Мне ведь ничего не надо.

Дверь закрылась.

Через минуту за окном снова прошёл трамвай. Потом ещё один.

Яна стояла посреди прихожей и смотрела на пустой крючок, где семь лет висела Толина куртка.

А потом всё-таки заплакала.

• • •

Первые две недели Яна была образцовой брошенной женой только в одном смысле: она совершенно не понимала, что делает.

Она не резала волосы, не записывалась в спортзал и не покупала красное платье. Вместо этого трижды забыла оплатить интернет, один раз пришла в мастерскую в разных носках и на четвёртый день после ухода Толи обнаружила в холодильнике две банки оливок, половину лимона и кусок пармезана, который, кажется, покупала ещё до Нового года.

Подруга Маша привезла еды и поставила на кухне контейнеры в ряд.

— Это суп. Это котлеты. Это гречка. Это сырники. Это салат.

— У меня есть оливки.

— Оливки не еда.

— В Греции с тобой бы поспорили.

Маша посмотрела на неё.

— Ты когда спала?

— Сегодня.

— Сколько?

— Не знаю. Я не засекала.

— Яна.

— Мам.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Не делай из меня человека, которого надо круглосуточно спасать. Я пока просто… тупая.

— Ты не тупая.

— Я вчера положила телефон в ящик с ложками и полчаса звонила себе с ноутбука.

Маша села напротив.

— Это пройдёт.

— Знаю.

— Он мудак.

Яна пожала плечами.

— Возможно.

— Что значит «возможно»?

— Если бы он был просто мудаком, было бы легче.

Маша вздохнула.

Толя не писал первые пять дней. На шестой прислал сообщение: «Как ты?» Яна посмотрела на экран, положила телефон на стол и ушла месить глину.

Через час ответила: «Нормально».

Это было неправдой, но подробный отчёт он больше не заслуживал.

Работа спасала не потому, что отвлекала. Наоборот. В мастерской голова иногда шумела ещё громче. Просто глина требовала конкретных действий. Отрезать. Размять. Центрировать. Поднять стенки. Не давить сильнее, чем нужно. Не пытаться удержать форму, если она уже поплыла.

Последнее раздражало своей символичностью.

Яна терпеть не могла, когда жизнь начинала разговаривать метафорами.

Её мастерская занимала первый этаж бывшего заводского корпуса рядом с рекой. Когда-то там ремонтировали электрические двигатели, теперь половину помещений отдали художникам, столярам, татуировщикам и людям, которые называли себя «создателями локальных брендов». Зимой из окон тянуло, летом было жарко, зато потолки — почти пять метров, а аренда пока не окончательно сошла с ума.

По субботам Яна проводила мастер-классы. Взрослые люди приходили лепить кривые кружки, пить кофе из бумажных стаканов и говорить, что давно хотели «сделать что-то

руками». Яна любила эти три часа. Особенно момент, когда человек переставал спрашивать, правильно ли получается.

Толя считал мастер-классы пустой тратой времени.

«Ты за три часа заработаешь больше, если просто продашь две хорошие вазы».

Теперь эта фраза всплывала каждый раз, когда Яна раскладывала перед группой фартуки.

На третью субботу после его ухода пришёл мужчина, который опоздал на двадцать семь минут.

— Я знаю, — сказал он с порога, ещё не сняв куртку. — Ужасный человек.

Яна посмотрела на часы.

— Пока просто плохой ученик.

— Есть шанс реабилитироваться?

— Зависит от того, сколько вы сломаете.

Он улыбнулся.

Мужчину звали Кирилл. Тридцать два, чёрная куртка, серый свитер, короткие волосы и руки человека, который не боится испачкаться, но явно не знает, что делать с глиной. Через пять минут стало ясно: не знает совсем.

— У меня крутится всё, кроме того, что должно, — сообщил он, глядя на гончарный круг.

— Потому что вы держите руки вот так, будто пытаетесь задушить чашку.

— А она сопротивляется.

— И правильно делает.

Яна встала рядом, показала положение ладоней. Кирилл повторил. Комок глины послушно поднялся, потом неожиданно дёрнулся в сторону и сложился набок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.